

*Памяти Расса Дорра
Мне тебя не хватает, шеф*

СОДЕРЖАНИЕ

Телефон мистера Харригана. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	9
Жизнь Чака. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	125
Будет кровь. <i>Перевод В. Вебера</i>	203
Крыса. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	427
От автора. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	539

ТЕЛЕФОН
МИСТЕРА ХАРРИГАНА

---

* Перевод. Т. Покидаева, 2020.

Городок, где я родился и вырос, был по сути большой деревней с населением примерно в шестьсот человек (и таким и остался, просто я оттуда уехал), но у нас был Интернет, как в больших городах, и мы с папой получали все меньше и меньше бумажной почты. Обычно наш почтальон, мистер Недью, приносил только еженедельный «Тайм», рекламные листовки с обращением «Жильцу» или «Нашим милым соседям» и ежемесячные счета. Но начиная с 2004 года, когда мне исполнилось девять и я начал работать на мистера Харригана в доме на холме, я мог рассчитывать как минимум на четыре конверта в год, подписанных от руки и адресованных лично мне. Четыре открытки: на День святого Валентина в феврале, на мой день рождения в сентябре, на День благодарения в ноябре и на Рождество в декабре, либо перед самым праздником, либо сразу после. В каждую открытку был вложен долларовый билет моментальной лотереи штата Мэн, и подпись всегда была одной и той же: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Вот так незатейливо и официально.

Реакция папы тоже всегда оставалась одной и той же: он добродушно смеялся, закатив глаза.

— Какой же он жмот, — сказал папа однажды. Мне тогда было одиннадцать лет, и открытки с лотерейными билетами приходили уже года два. — Платит тебе

за работу гроши, а премиальные выдает билетами «Везунчика», которые в «Хоуи» раздают бесплатно в придачу к покупке.

Я ответил, что хотя бы один из четырех ежегодных билетов обычно выигрывал пару долларов. Когда это случалось, выигрыш за меня забирал папа, потому что несовершеннолетним не разрешалась играть в лотерею, пусть даже билеты иногда раздавали бесплатно. Однажды мне повезло по-крупному, и я выиграл целых пять долларов. Я попросил папу купить на них пять лотерейных билетов по доллару. Он отказался, заявив, что не станет потакать моей тяге к азартным играм, иначе мама перевернется в могиле.

— Хватит нам и того, что это делает мистер Харриган, — сказал он. — К тому же он мог бы платить тебе по *семь* долларов в час. А то и все восемь. Уж он-то может себе это позволить. Пять долларов в час — это, может, и законно, поскольку ты еще ребенок, но смахивает на эксплуатацию детского труда.

— Мне нравится у него работать, — возразил я. — И *он сам* мне нравится, пап.

— Это понятно, — ответил папа. — И хотя то, что ты читаешь ему книжки вслух и поливаешь цветы на клумбах, не делает тебя Оливером Твистом двадцать первого века, но он все равно жмот, каких поискать. Меня удивляет, что он тратится на марки, чтобы отправлять открытки по почте, хотя живет в четверти мили от нас.

Мы сидели на нашей открытой веранде и пили «Спрайт». Папа показал пальцем на дорогу (грунтовку, как большинство улиц в Харлоу), ведущую на вершину холма, к дому мистера Харригана. Это был даже не дом, а настоящий особняк, с закрытым бассейном, зимним садом, стеклянным лифтом, на котором я *обо-жал* ездить вверх-вниз, и теплицей на заднем дворе,

разбитой в том месте, где раньше располагалась мас-лобойня (я тогда еще даже и не родился, но папа ее помнил).

— Ты же знаешь, какой у него артрит, — сказал я. — Теперь он иногда ходит не с одной палочкой, а с двумя. Прогулка в четверть мили его убьет.

— Ты все равно к нему ходишь почти каждый день. Он мог бы вручать тебе эти дурацкие открытки лично в руки, — проворчал папа. В его словах не было злобы; он просто дразнил меня. Они с мистером Харриганом прекрасно ладили. Папа ладил со всеми в Харлоу. Наверное, поэтому он и был таким хорошим торговым агентом.

— Это будет уже не то, — сказал я.

— Почему?

Я не мог объяснить. У меня был обширный словарный запас (благодаря тому, что я много читал), но скудный жизненный опыт. Мне просто нравилось получать эти открытки по почте, ждать их с нетерпением, стирать защитный слой с лотерейных билетов — я всегда соскребал его моей «счастливой монеткой» в десять центов. Мне нравилась подпись, нравился старомодный витиеватый почерк: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Теперь, уже задним числом, мне на ум приходит слово «церемонный». В его поведении действительно было что-то церемонное. Он непременно повязывал тонкий черный галстук, когда мы с ним ездили в «Ай-Джи-Эй» за продуктами, хотя он обычно сидел в машине, за рулем своего старого, практичного «форда», и читал «Файнэншл таймс», пока я ходил в магазин, чтобы купить все по списку. В этом списке неизменно присутствовали хэш из солонины и дюжина яиц. Мистер Харриган утверждал, что, достигнув определенного возраста, человек вполне может прожить только на яйцах и солонине. Когда

я спросил, какого именно возраста, он ответил: шестидесяти восьми лет.

— Когда человеку исполняется шестьдесят восемь, ему уже не нужны витамины.

— Правда?

— Нет. Я говорю это лишь для того, чтобы оправдать свои дурные привычки в еде. Ты же вроде заказывал спутниковый радиоприемник для этой машины, Крейг?

— Да.

Я заказал этот приемник из дома, с папиного компьютера, потому что у мистера Харригана компьютера не было.

— Ну, и где же прием? Я каждый раз попадаю на этого пустозвона Лимбо.

Я показал ему, как переключиться на спутниковый диапазон. Он вертел ручку настройки, «пролистав» сотню каналов, пока не нашел станцию, специализирующуюся на кантри. Там играла песня «Stand By Your Man».

От этой песни меня до сих пор пробирает дрожь, и, наверное, так будет всегда.

В тот день, на одиннадцатом году моей жизни, когда мы с папой сидели у нас на веранде, пили «Спрайт» и смотрели на большой дом на холме (все жители Харлоу именно так его и называли; а иногда еще, в шутку, казенным домом, словно это была тюрьма Шоушенк), я сказал:

— «Черепашья» почта — это круто.

Папа закатил глаза.

— *Электронная* почта, вот что действительно круто. И мобильные телефоны. Мне они кажутся чудом. Ты молодой, не поймешь. Если бы ты вырос со спаренным телефоном на пять домов — включая дом миссис

Эдельсон, которая болтала часами, — ты бы почувствовал разницу.

— Пап, а когда мы купим мне мобильный телефон?

Этот вопрос в последний год я задавал ему постоянно, особенно после того, как в продажу поступили первые айфоны.

— Когда я решу, что ты уже достаточно взрослый.

Теперь уже я закатил глаза, и папа рассмеялся. Но потом вдруг посерьезнел.

— Ты вообще представляешь, насколько богат Джон Харриган?

Я пожал плечами.

— Я знаю, что раньше он владел какими-то заводами.

— Не только заводами. Пока Джон Харриган не ушел на покой, он был большой шишкой в концерне «Оук энтерпрайз». Концерну принадлежала судоходная линия, несколько крупных торговых центров, сеть кинотеатров, телекоммуникационная компания и еще много всего. Среди игроков «большого табло» «Оук энтерпрайз» был одним из крупнейших.

— Что такое «большое табло»?

— Фондовая биржа. Азартные игры богатых людей. Когда Харриган продал свои активы, об этой сделке писали в «Нью-Йорк таймс», и не просто в бизнес-разделе, а на первой странице. Этот дедуля, который ездит на шестилетнем «форде», живет в нашей дремучей глуши, платит тебе пять долларов в час и четырежды в год дарит по лотерейному билету ценой в один доллар, сидит на денежном мешке, а в мешке уж точно не меньше миллиарда долларов. — Папа улыбнулся. — И мой самый страшный костюм, который наверняка ужаснул бы твою маму, будь она жива... Так вот, даже это убожество лучше, чем тот костюм, который он носит в церковь.